

Шэнь Цзибая и его спутников скрутили adeпты Пути ордена Тан. Юноша, увлечённый истреблением живых мертвецов, начисто упустил из виду Тан Юйцзина, подкравшегося со спины. Тот мгновенно приставил лезвие к его горлу и негромко рыкнул:

— Ни с места!

Быстро разобравшись, кто перед ним — адепт ордена Цисинь и старшая дочь владыки горы Белой Яшмы, — Тан Юйцзин спесиво расхохотался. Он грубо вздёрнул подбородок Се Тайю:

— Ба, да это же дочурка старика Се! Какая встреча, Се Тайю. Любопытно, как задёргается твой дражайший родитель, когда узнает, что я притащу тебя на Путь ордена Тан как пленницу?

Сгорая от унижения, Се Тайю едва сдерживала злые слёзы:

— Мерзавец! Если отец узнает, тебе не жить!

— Всё ещё прячешься за отцовскую спину, госпожа Се? — издевательски протянул Тан Юйцзин. — Твой папаша последние годы только и делает, что лавирует между моим учителем и властью. Ему сейчас не до тебя!

— Негодяй! Ты только и умеешь, что глумиться над беззащитными адептами. Бешеная ищейка Пути ордена Тан, вот ты кто!

— Думаешь, у меня рука на девку не поднимется?! — взревел Тан Юйцзин, его лицо перекосило от бешенства. Он больно сдавил её шею. — Кого ты, блядь, бешеной собакой назвала, сука?! Отродье паршивое! Мать твоя была дешёвкой безродной, и сама ты — грязь под ногами!

Разнеженная отцовской заботой Се Тайю отродясь не слышала подобной грязи. На мгновение она оцепенела, а затем из её глаз брызнули слёзы. Девушка тихо зарыдала, но упрямо стиснула зубы.

Видя это, Шэнь Цзибай негромко произнёс, обращаясь к Тан Юйцзину:

— Молодой господин Тан, следите за языком. Есть границы, которые переступать не стоит.

— Тебе-то что, сопляк из Цисинь? — огрызнулся Тан Юйцзин. — Припёрся сюда, ублюдок, явно не чай пить. Тот паршивец Сун ведь с вами? Говори, где эта тварь прячется?!

Шэнь Цзибай лгать не любил. Он хладнокровно оправил одежду и ответил, не дрогнув ни единым мускулом на лице:

— Мы с Бессмертным Суном разошлись.

Один из стоявших рядом адептов ошеломлённо фыркнул:

— Ты на волоске от смерти висишь, а всё шмотки свои разглаживаешь?

— А что ещё мне остаётся делать? — бесстрастно отозвался Шэнь Цзибай.

Адепту не нашлось что ответить. Действительно, пленникам оставалось только смириться. Оружие отобрано, вокруг враги — тут уж только и делать, что пылинки с рукавов сдвигать да фаталистично ждать развязки. И всё же с таким олимпийским спокойствием перед лицом опасности за все годы службы в Пути ордена Тан этот адепт сталкивался впервые.

Всё это в точности повторяло оригинальный сюжет романа «Вопрошание небес». Растянувшись на черепичной крыше, Сун Цимин с искренним удовольствием наблюдал за разыгрывающейся драмой.

— Слышь, 018, — лениво позвал он систему. — А что там дальше Едящий огурцы как попало состряпал? Есть у тебя черновик? Дай глянуть.

Прямо перед глазами Сун Цимина соткался парящий лист, исписанный убористым шрифтом. Он перехватил его поудобнее и принялся бегло читать. Один из абзацев гласил:

«Шэнь Цзибай, несмотря на свою юность, влюбился в Се Тайю с первого взгляда. Он поклялся во что бы то ни стало вырвать прекрасную деву из лап жестокого мучителя. Пользуясь тем, что Тан Юйцзин отвлёкся на Призрачный приказ призыва армии, Шэнь Цзибай совершил стремительный бросок и вонзил клинок ему прямо в живот. Тан Юйцзин, брызжа слюной от изумления, ткнул в него дрожащим пальцем: "Ты?! Ты посмел поднять на меня руку?! Да ты хоть знаешь, кто я такой?!" — после чего с глухим стоном рухнул наземь, лишившись чувств.

Лицо Шэнь Цзибая оставалось суровым и холодным, но стоило ему перевести взгляд на Се Тайю, как он посмотрел на неё с нежной заботой. Он бережно приподнял хрупкую деву, а та, утирая горячие слёзы, прошептала: "Ты пошёл против Тан Юйцзина ради меня... Разве ты не боишься, что весь Путь ордена Тан ополчится на тебя?"

Шэнь Цзибай понял, что его сердце навеки пленено. Не в силах больше сдерживать бушевавшие в груди чувства, он крепко прижал деву к себе: "Главное, что ты цела, дева Се. Теперь всё будет хорошо".

Глаза Се Тайю опухли от слёз: "Глупый... Зачем ты на это пошёл? Ну какой же ты глупец! Да сдался мне этот Призрачный приказ призыва армии, лишь бы ты остался жив! Цзибай, беги! Они же вернутся и убьют тебя! Я... я для тебя лишь обуза!"

— Ты не обуза! — отрезал Шэнь Цзибай с непоколебимой решимостью во взоре. — Слышишь, дева Се? Ты вовсе не обуза!

Се Тайю крепко вцепилась в его пальцы, утыкаясь лицом в его плечо: "Молодой господин Шэнь, вы так добры ко мне... Знаете, я ведь полюбила вас с первого взгляда. Это чистая правда. И даже если моё чувство безответно, я всё равно..."»

Дочитав до этого места, Сун Цимин медленно, с каменным лицом сложил листок вдвое, а затем хладнокровно разорвал его на мелкие клочки.

— Ну и дешёвая же сопливая хрень, — вздохнул он. — Этот Едящий огурцы как попало хоть слышал про постепенное развитие чувств? Бац — и любовь до гроба! А слог, а диалоги... Боже, какая пошлятина. 018, ты сама-то погляди на нашего главного героя. Он хоть капельку похож на влюблённого дурачка? Да он на девуку даже не смотрит!

[Система: Пожалуйста, соблюдайте рамки приличия.]

[Система: 018 напоминает: развитие сюжета то и дело отклоняется от первоначального сценария. Местные обитатели — не бумажные куклы.]

— И как думаешь, в этот раз сценарий тоже полетит к чертям? — поинтересовался Сун Цимин.

[Система: Вероятность отклонения оценивается в тридцать процентов.]

Сун Цимин картинно передёрнулся:

— Если они реально начнут нести эту пафосную чушь по бумажке, я самолично выколю себе глаза.

[Система: 018 выражает крайнюю заинтересованность в данном зрелище.]

— Да ты ни хрена не искусственный интеллект, ты просто садист малолетний, — буркнул Сун Цимин.

Запечатанный на целое столетие Несокрушимый город давно превратился в мёртвую зону, куда редко отваживались ступить живые. Императорский дворец — величавый, но зловещий — высился над руинами, господствуя над всей округой. Густые плети дикого плюща и гниющих лоз плотно опутывали крепостные стены, мостовые и карнизы; в каждом углу здесь затаились жуткие, колышущиеся тени. Молодые адепты знали об этих местах лишь по туманным рассказам старейшин. С благоговейным трепетом они шептались о скованной вечным льдом чёрной башне, которая, как утверждала молва, была сложена из костей миллионов павших. Стоило живому перешагнуть её порог, как проклятые стены высасывали из него духовную энергию до последней капли, обрекая на растерзание полчищам обитавших впотьмах живых

мертвецов. Молодёжь, впрочем, относилась к этим предостережениям беспечно, считая их дряхлыми сказками, но вот выжившие ветераны былых войн не забывали о пережитом кошмаре ни на миг.

За вторыми дворцовыми воротами высился стометровый силуэт чёрной круглой башни, вонзавшийся остриём прямо в набухшие грозовые тучи. Дряхлые, покрытые плесенью лозы толщиной в человеческое бедро оплетали её каменную кладку. Свод крыши давно рухнул, обнажив зияющий провал, сквозь который можно было разглядеть клубящуюся в ночной выси мглу. Шэнь Цзибая и Се Тайю, лишённых возможности сбежать, adeпты Пути ордена Тан толкали впереди себя, используя как живой щит на случай внезапной опасности.

Пробираться по внутренностям башни оказалось делом непростым. За минувшие восемьдесят лет ураганы и подземные толчки разрушили несколько несущих балок, превратив проходы в груды обломков. Шэнь Цзибай шёл первым. Сразу за массивными воротами начиналась крутая винтовая лестница из серого камня. Стоячий воздух здесь был отравлен гнилостной миазмой — столь удушливой, что юные адепты со слабым совершенствованием то и дело сгибались пополам, заходясь в рвотных позывах. Лишь четверо или пятеро держались на ногах, хрипя от натуги. Единственным, кто шёл ровно и дышал глубоко, сохраняя олимпийское спокойствие, оставался Шэнь Цзибай.

До верхней площадки добрались всего семеро. Тан Юйцзину и его ближайшим подручным пришлось проглотить по драгоценной пилюле, чтобы банально не лишиться чувств. Се Тайю спасал семейный артефакт, окутывавший её защитным барьером от едкого тумана. Девушка с изумлением разглядывала идущего впереди Шэнь Цзибая — тот двигался без малейших усилий, словно гулял по весеннему саду. Лишь то, как он хмурился, выдавало напряжённую работу мысли.

— Братец-заклинатель, тебе нездоровится? — негромко поинтересовалась она.

— Вовсе нет. Благодарю за беспокойство, дева Се, — не оборачиваясь, отозвался юноша.

На самом деле его тревожила судьба наставника. Что, если тот угодил в ловушку по дороге? Что, если он столкнётся с основными силами ордена Тан? Шэнь Цзибая сжимала глухая тревога, тяжёлая, точно могильная плита. Он отчаянно надеялся, что Сун Цимин цел и невредим. Впрочем, стоило напомнить себе, что учитель обладает непостижимым уровнем совершенствования и вряд ли позволит застать себя врасплох. Беспокоиться о нём сейчас — лишь попусту тратить душевные силы.

Шэнь Цзибай глубоко вздохнул и сосредоточился на собственной участи. Нужно было найти способ выбраться из этой передраги.

Тем временем Сун Цимин, вольготно устроившийся на соседней крыше и наблюдавший за происходящим в башне через интерфейс системы, самоуверенно усмехнулся:

— Мой Хвостик сейчас точно ломает голову над тем, куда подевался его драгоценный учитель.

Он пошарил в сумке Цянькунь, достал оттуда пузатый фарфоровый сосуд и сделал знатный глоток вина Саньло. Алкоголь приятно обжёг язык и покатился по горлу горячей волной.

— Ух, пробрало... — Сун Цимин блаженно зажмурился. — Кстати, я же тут давеча мельком видел Путо Иня. Разве он должен появляться в этой главе по канону?

[Система: В каноничном сюжете данный персонаж отсутствует. Это ответвление побочной линии.]

— Понятно, — протянул Сун Цимин.

Он небрежно стряхнул пыль со своего халата и облизал влажные губы, взвешивая кувшин на ладони:

— Вот вернёмся в обитель — запрись у себя и в один присест осушу пять кувшинов этого нектара.

Верхний ярус башни венчали массивные каменные ворота, испещрённые затейливой резьбой и рядами полустёртых древних символов. Старый заклинатель, разбивавший мёртвую письменность Несокрушимого города, приблизился к плите, тяжело опираясь на клюку. Он долго вглядывался в знаки, переводя взгляд со строки на строку, а затем его сморщенная ладонь мелко задрожала. Старик указал на иероглифы:

— «Властитель мёртвых ратей, стяг грозных воинств, опора земной тверди... Этот артефакт способен как положить конец любой смуте под небесами, так и даровать вечное здравие. Но природа его темна и губительна. Всякий, кто дерзнёт посягнуть на него, должен трижды взвесить свои силы. Если же Призрачный приказ однажды вырвется на волю, гнев его сокрушит безумцев, а кара превзойдёт любое воображение...»

Тан Юйцзин лишь презрительно фыркнул на его слова:

— К чёрту ваши суеверия! Призрачный приказ призыва армии достанется Пути ордена Тан, и точка!

Он протянул руку, и верный адепт тут же вложил в его ладонь массивную квадратную пластину из тёмного металла. Легенда гласила, что некогда император Несокрушимого города, вознамерившись запечатать проклятое сокровище, призвал к себе величайшего мастера механизмов — Призрачного отрока. Тот выковал этот ключ из цельного куска вороной стали. Каждая деталь, каждая микроскопическая насечка на пластине были выполнены с таким запредельным мастерством, что кружилась голова при одной мысли о том, как смертный сумел создать замок, безусловно работающий даже век спустя.

Се Тайю, прежде слышавшая смутные слухи о том, что ключ работы легендарного

Призрачного отрока попал в руки её врагов, не сдержала эмоций:

— Тан Юйцзин! Признавайся, у кого вы украли эту реликвию?!

Тан Юйцзин лениво погладил пальцем холодную сталь ключа, проигнорировав её вопрос с явным пренебрежением. Он впился колючим взглядом в лицо девушки:

— Госпожа Се, на вашем месте я бы сейчас пёлся не о замках, а о здоровье вашего дражайшего папаши. Глава Се уже неделю как «гостит» в нашей обители. Мой учитель принял его со всем возможным почтением, да только старик упорно воротит нос от нашего гостеприимства. Ну и как нам, по-твоему, следует поступить с таким невежливым гостем, а?

Се Тайю вздрогнула. Преодолевая слабость и дрожь в коленях, она медленно поднялась на ноги. Острия мечей конвоиров тут же упёрлись ей в грудь, но девушка, опираясь плечом о влажную каменную стену, лишь яростно сжала кулаки.

— Тан Юйцзин! — прошипела она, её голос срывался от kloкочущей ненависти. — Если с моим отцом упадёт хоть один волос, я клянусь — вы все кровью умоетесь!

Тан Юйцзин запрокинул голову и издевательски расхохотался:

— Да откуда в тебе столько гонору, пигалица? Сдалась бы по-хорошему, вышла за меня — и горя бы не знала!

— Смерть лучше позора! — выплюнула Се Тайю.

— Смерть, говоришь? Ну-ну. Посмотрим, как ты запоёшь, когда примеришь красный парчовый наряд невесты и безропотно склонишься у моих ног.

В один миг веселье сошло с его лица, уступив место мрачной жестокости. Он коротко бросил подчинённым:

— Стеречь их. Шаг влево — рубите ноги.

— Слушаемся!

Се Тайю трясло от лютой злобы. Она смотрела лихорадочно, сжимая кулаки так сильно, что ногти вонзались в ладони до крови. Каждая клетка её существа требовала мести — она желала лишь одного: разорвать Тан Юйцзина на куски голыми руками.

Шэнь Цзибай тем временем сидел поодаль, погружившись в медитацию. Он восстанавливал

истощённые запасы духовной энергии и лихорадочно соображал, как выйти на связь с учителем. Бежать нужно сейчас, пока враги отвлечены. Ускользнуть от конвоя, скрыться в тених Несокрушимого города, а уж там найти Сун Цимина...

Юноша глубоко вздохнул и открыл глаза. Как раз вовремя: Тан Юйцзин с силой вогнал стальную пластину в узкий паз каменной плиты.

Раздался глухой, зловещий щелчок.

В ту же секунду древняя ловушка пришла в действие. Десятки толстых, узловатых лиан, секунду назад казавшихся мёртвыми плетями плюща, стремительно зашевелились, расправляясь подобно потревоженным змеям.

Башню потряс шквал испуганных воплей. Хищные плети лиан молниеносно взвились вверх, обвивая испуганных заклинателей и увлекая их в воздух. Те, кто в панике пытался вырваться, гибли первыми: волокнистые путы с влажным хрустом затягивались на шеях, ломая хрящи и выжимая жизнь. Лица несчастных мгновенно наливались багровой синевой. Вокруг захлёбывались криками уцелевшие адепты:

— Спасите! На помощь!

— Стойте! Не шевелитесь, твари! Чем больше дёргаетесь, тем сильнее они душат!

Шэнь Цзибай подобрался, готовый дорого продать свою жизнь, однако, к его крайнему изумлению, хищные стебли скользили по полу мимо него, будто не замечая. Когда первый натиск безумия утих, посреди усеянного обломками зала, где под потолком беспомощно дрыгали ногами пленённые враги, невредимым остался лишь один человек. Он так и сидел на холодном каменном полу.

Шэнь Цзибай поднялся на ноги, восстановив циркуляцию духовных сил в меридианах. Бесстрастно подойдя к одному из беспомощно висящих адептов Пути ордена Тан, он разжал его скрюченные пальцы и вернул себе верный клинок. Вспыхнула сталь — одним точным взмахом юноша рассёк путы, сковывавшие Се Тайю. Лишившаяся сил, бледная как смерть девушка кулем рухнула прямо ему на грудь.

С крыши соседнего здания, откуда Сун Цимин наблюдал за развернувшейся сценой через призрачную проекцию, их позы выглядели до неприличия двусмысленно — казалось, парочка слилась в страстном поцелуе.

Сун Цимин весело осклабился и легонько потряс пузатым кувшином:

— Гляди-ка, шуры-муры пошли. Хорошо хоть, в этом мире за поцелуи несовершеннолетних к ответственности не привлекают.

<http://bllate.org/book/20145/2132301>